

Свами Вивекананда

**ЗНАЧЕНИЕ
ВЕДАНТЫ ДЛЯ
ЖИЗНИ ИНДИЙЦЕВ**

ЗНАЧЕНИЕ ВЕДАНТЫ ДЛЯ ЖИЗНИ ИНДИЙЦЕВ

Когда говорят о нашей нации и религии, очень часто употребляют термин «хинду». Термин этот нуждается в некотором разъяснении как раз в связи с тем, что я подразумеваю под ведантизмом. «Хинду»¹ — изначально — название, данное древними персами реке Синдху. В персидском языке санскритский «s» всегда переходит в «h»; таким образом, Синдху стала Хинду. Как вам известно, греки затруднялись произносить звук «h» — они его выпустили совсем. Благодаря этому нас стали называть индусами, индийцами. От древнего значения слова «хинду» сегодня ничего не осталось: в прошлом оно употреблялось для обозначения народов, живущих по ту сторону реки Инд, но сегодня эти народы больше уже не принадлежат к одной религии. Среди них, помимо собственно индусов, есть магометане, парсы, христиане, буддисты и джайны. С одной стороны, всех их логично было бы называть индусами (в буквальном смысле этого слова), но разная их религиозная принадлежность не позволяет именовать их совокупно. Поэтому же трудно подобрать и общее название для нашей религии — ведь и она как бы составлена из различных верований, воззрений, обрядов, ритуалов, не охваченных единым названием, церковью, организацией. Единственное, в чем все эти секты сходятся наверняка, — вера в Священное писание — Веды². По-видимому, ясно одно: никто не имеет права называться индусом, не признавая Веды как высший авторитет.

Перевод выполнен Ф. Г. Николаевым по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 3. Calcutta, 1989.

¹ Индуизм формировался в течение тысячелетий, проходя через различные стадии, которые ученые сейчас называют так: ведизм, брахманизм, собственно индуизм. Ведизм соотносится с верованиями, отразившимися в гимнах Вед, особенно в самом раннем ведическом сборнике — Ригведе; с брахманизмом связывается тот комплекс религиозных представлений, взглядов, правил и социальных установлений, который сложился к концу ведийской эпохи, примерно в I тыс. до н. э. Он отразил во многом новые взгляды на пантеон богов, религиозную практику, эсхатологические концепции древних индийцев. Наконец, позднее, ближе к VII в. н. э., сформировался тот комплекс идей и практических предписаний, который получил название индуизма. Само название религии («индуизм») вошло в употребление довольно поздно. Оно происходит от слова «Синдху» — старое наименование реки Инд. Этим словом и производным от него («Индостан», «индус») обозначали народы, жившие по ту сторону от реки Инд, те, кто проживал в Западной или Центральной Азии. Для последователя индуизма более употребительны при обозначении своей веры такие слова, как «санатана дхарма» (т.е. вечная дхарма), или «арья дхарма» (т.е. арийская дхарма, дхарма ариев). Под такое определение вместе с тем подпадают джайны и буддисты, поскольку «арья дхарма» охватывает собой все верования, зародившиеся в Индии. Начиная с XIX в. термин «арья дхарма» используется особенно широко, поскольку слово «хинду» и производные от него («индуизм») ассоциировались с персидской традицией. Вивекананда часто говорит о своем вероучении как о «дхарме ариев», «брахманизме», «индуизме», не делая различия между этими терминами и связывая их все с собственно индуизмом на разных этапах его исторического развития.

² *Веды* (санскр.: знание) — «священное писание» индуистов. Состоит из четырех групп текстов: самхит (сборников гимнов и заклинаний); брахман (сборников ритуально-мифологического характера); араньяк («лесных» книг, наставлений для отшельников); Упанишад (сборников текстов умозрительно-философского плана). Четыре Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII—X вв. до н. э., хотя многие гимны (особенно в Ригведе) отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет Вед как неоспоримый: так солнце не нуждается в дополнительном источнике света, чтобы его было видно. Они существуют, согласно традиции, вечно. Веды иначе называются «шрути» — «то, что было услышано»: считается, что риши, создатели гимнов, мгновенным озарением, внутренним взором постигли приоткрывшуюся им истину. Риши не есть авторы Вед, они только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям. К Ведам примыкают тексты, называемые «смрити» — «то, что было запомнено»: это своего рода «священное предание» индуизма. Значимость этих текстов для последователей индуизма хотя и велика, но вторична. Они достоверны для него в той степени, в какой не противоречат литературе «шрути» (то есть вечному и непогрешимому источнику истины), и при разногласиях последнее слово всегда будет за «шрути». Как правило, к литературе «смрити» относят следующие тексты: две эпические поэмы — «Махабхарата» и «Рамаيانа»; восемнадцать пуран (дословно «старые» истории): они обычно состоят из космогонических мифов, генеалогий царей и др.; дхармашастры — законодательные трактаты, регулирующие политическую, религиозную и общественную жизнь. Сюда же входят смартасутры, то есть тексты, связанные в основном с домашним ритуалом; трактаты по вопросам религии, этики, философии и пр. Допустимо употреблять слово «Веды» только по отношению к самхитам (сборникам священных текстов, составляющих ранние слои ведийского канона). Можно использовать слово «Веды», имея в виду, например, Упанишады. Вивекананда часто пользуется словом «Веды», когда говорит об Упанишадах. Здесь, говоря о «бесстрашии» как теме многих Вед, он имеет в виду Упанишады.

Как вы знаете, все Веды делятся на две части — карма канда и джняна канда³. Карма канда включает разнообразные обряды и жертвоприношения, большая часть которых уже вышла из употребления. Джняна канда, воплощающая духовное учение Вед (известное как Упанишады и веданта), всегда приводилась в качестве высшего авторитета всеми духовными учителями, философами и писателями, будь то дуалисты, ограниченные монисты или монисты. Любой индеец, к какой бы секте или философской школе он ни принадлежал, должен опираться на авторитет Упанишад; в противном случае его секта будет считаться неортодоксальной. В силу этого, пожалуй, единственный термин, который в наше время может быть употреблен без исключения к любому индусу, — «ведантист» или «вайдика». Именно в этом смысле я всегда употребляю слова «ведантизм» и «веданта». Однако тут необходимо определенное уточнение.

В последнее время стало принято понимать под ведантой только ту систему философии ведантизма, которая называется *адвайтой*. Но все мы знаем, что *адвайта* — лишь одна из множества философских систем, основанных на Упанишадах. Приверженцы вишишта-адвайты, например, относятся к Упанишадам с таким же почтением, как и адвайтисты; они имеют полное право считать эти писания «своими». Это же относится и к дуалистам, и к прочим сектам. Но обыденное сознание отождествило до некоторой степени термины «ведантист» и «адвайтист», причем, возможно, не без оснований, ибо, хотя Веды и являются основным канонem, существуют еще *смрити* и *пураны*² — более поздние сочинения, носящие иллюстративный по отношению к Ведам характер. Эти сочинения, конечно же, менее авторитетны, чем сами Веды. Закон таков: как только любая часть этих пуран или смрити вступает в противоречие с содержанием шрути, необходимо следовать сказанному в шрути и отвергнуть смрити.

В теоретических разработках великого философа-адвайтиста Шанкары и основанной им школы в качестве авторитетного источника цитируются главным образом Упанишады и лишь изредка смрити, за исключением, пожалуй, тех случаев, когда необходимо пояснить какой-либо особый нюанс, который едва ли можно отыскать в шрути. С другой стороны, прочие школы философской мысли все в большей степени опирались на смрити и все в меньшей — на шрути; количество цитат из смрити увеличивается пропорционально «дуалистичности» той или иной секты — вопреки тому, чего мы вправе ожидать от ведантистов. Видимо, в силу того, что названные секты отводят столь важную роль пураническим источникам, именно адвайтистов стали считать, так сказать, ведантистами по преимуществу.

Как бы там ни было, термин «веданта» должен охватывать всю индийскую религиозную жизнь. Кроме того, веданта, будучи частью Вед, является самой древней нашей литературой, ибо, что бы ни полагали современные ученые, индусы отнюдь не готовы принять мнение, что разные части Вед были написаны в разное время. По их традиционному убеждению, Веды возникли целокупно и одновременно, точнее говоря, не возникли, а вечно существовали в сознании Бога. Вот что я понимаю под ведантой, объемлющей дуализм, ограниченный монизм и адвайтизм. Мы были бы готовы, пожалуй, включить в область веданты даже часть буддизма и джайнизма, если бы приверженцы этих религий сами не были против этого, — в наших сердцах хватило бы для них места. Но они возражают против такого объединения. А ведь при строгом анализе становится очевидным, что существенное содержание буддизма целиком заимствовано из все тех же Упанишад; и даже этика, знаменитая, хваленая этика буддизма, повторяет соответствующие места писания практически слово в слово. То же следует сказать о доктринах джайнов — за вычетом, разумеется, их причудливых перетолкований. Кроме того, из Упанишад пробиваются ростки всего последующего развития индийской религиозной мысли.

Порой утверждают, что в Упанишадах не содержится идеал бхакти. Это мнение совершенно беспочвенно, и всякий, кто внимательно изучил текст Упанишад, понимает, что оно противоречит истине. В любой из Упанишад достаточно бхакти, стоит только пристальнее взглядеться, — пусть эти идеи еще обретаются там в зародыше и лишь впоследствии получают более полное развитие в пуранах и других смрити. В Упанишадах эти идеи намечены пунктирно, а полный рисунок появляется лишь в некоторых из пуран. В индийской мысли вообще не отыскать ни одного полновесного идеала, который не уходил бы корнями в Упанишады. Люди, не потрудившиеся основательно изучить писание, иной раз предпринимали нелепые попытки возвести идею бхакти к иностранным источникам; как вам известно, несостоятельность этих попыток была убедительно доказана. Концепция бхакти целиком проявилась уже в самхитах (не говоря об Упанишадах) — тут и поклонение, и любовь к Богу, и все прочее. Только потом этот идеал становится все более и более возвышенным. В самхитах местами мы еще натываемся на следы религии, основанной на страхе и терзаниях, тут молящийся еще содрогается подчас перед Варуной или каким-нибудь другим божеством; тут он еще не на шутку терзаем идеями греха. В Упанишадах ничего такого нет, никакой религии страха, но взамен нам дана религия Любви и Знания.

³ Традиция различает в Ведах две части: ритуальную, куда входят брахманы и гимны; умозрительную, в нее включены Упанишады. Другие их названия: соответственно «карма-канда» («раздел о деянии»); «джнянаканда» («раздел о знании»). Суть деления, сделанного уже Бадараяной, состоит в том, что, поскольку изучающему Упанишады близка истинная мудрость, он не связан предписаниями обыденного мира: они для него та низшая стадия, которую он уже преодолел, продвигаясь к Наивысшему.

Таково наше писание. Более поздние толкования Упанишад неодинаковы, и, как я уже сказал, при любых разночтениях между Ведами и позднейшей пуранической литературой пураны обязаны «посторониться». Но верно и то, что сегодня мы по меньшей мере на девяносто процентов паураники и лишь на десять процентов *вайдики*. В нашей среде бытуют самые противоречивые воззрения, а в обществе превалируют религиозные взгляды, вряд ли почерпнутые из священных писаний индусов. А иной раз мы с изумлением наталкиваемся на книги и обычаи, опирающиеся не на Веда, смрити и пураны, а на местные верования. Причем невежественный селянин убежден, что если вымрет этот пустячный местный обычай, то он сам перестанет быть индусом. Его сознание нерасторжимо связывает ведантизм с местной традицией. Даже читая писание, он никак не возьмет в толк, что оно не предписывает привычных ему действий, что, откажись он от них, это ему не только никоим образом не повредит, но и сделает его лучше.

Есть и другая трудность. Объем Священного писания был в прошлом чрезвычайно велик. В «Махабхашье»⁴, выдающемся филологическом труде Патанджали, говорится, что «Самавед» состояла из целой тысячи «ветвей». Куда они все делись, никто не знает. То же и с другими Ведами: значительные части этих книг исчезли, и только небольшая доля целого дошла до нас. Первоначально тексты находились в ведении определенных родов, которые потом либо распались, либо были истреблены во время иностранного господства, либо исчезли в силу каких-нибудь других причин, а с ними исчезла и часть ведического знания. Об этом приходится постоянно помнить: этот факт часто становится последним якорем спасения для тех, кто стремится утвердить какое-либо новшество или отстоять что-нибудь вопреки сохранившемуся тексту Вед. Где бы в Индии ни разгорались споры между сторонниками иного местного обычая и блюстителями шрути, в ответ на замечания о том, что обычай этот противоречит писанию, заявляют, что на деле никакого противоречия нет, так как обычай этот опирался на ныне утраченную часть шрути и потому был ранее вполне «официальным». Ввиду разнящихся прочтений писания и комментариев к нему, невероятно трудно нащупать связующую нить. В то же время постоянно убеждаешься, что под всем этим разнообразием должна быть некая общая почва. Должен был существовать единый, гармоничный план, по которому возводились эти некогда стройные здания; должна была быть цельная основа у этой безнадежной путаницы взглядов, которую мы сегодня именуем «наша религия». Иначе все это не выстояло бы так долго, не пережило бы столько веков.

Еще одно затруднение связано с комментариями. Комментатор-адвайтист, работая с адвайтистским же текстом, всегда сохраняет его в первоначальном виде, но тот же самый комментатор, обращаясь к тексту дуалистической школы, терзает его на все лады и открывает в нем наистраннейшие «смыслы». Преобразующая сила комментария такова, что «нерожденный», например, может превратиться в «козу»: по воле толкователя аја («нерожденный») становится аја («коза»). Столь же жестоко, если не хуже, обращаются с текстами комментаторы-дуалисты: всякий дуалистский текст блюдет в целостности и сохранности, но всякий другой, неддуалистский, буквально подвергается пыткам. Язык санскрит настолько сложен, санскрит Вед настолько архаичен, а санскритская филология так совершенна, что дискуссии о значении того или иного термина могут поистине длиться века. При желании любой пандит способен перевести чей угодно бессвязный лепет на правильный санскрит и составить из него текст, наделенный силой убеждения и одобренный цитатами из канонических правил. Вот почему так нелегко проникнуть в истинный смысл Упанишад.

Лично мне довелось жить бок о бок с человеком, который был в равной мере страстным дуалистом и адвайтистом, одинаково ревностным бхактом и джняни. Общение с ним впервые подсказало мне, что лучше подойти к Упанишадам и другим текстам с независимых позиций, чем слепо следовать комментариям. В своих исканиях я пришел к выводу, что тексты эти вовсе не являются противоречивыми. И они не вызывают ужаса, рождаемого искажающими смысл комментариями! Эти тексты не просто красивы — они совершенно великолепны, а их логика поразительно гармонична — всякая мысль естественно вытекает из предшествующей. И еще я обнаружил, что каждая из Упанишад начинается с дуалистских воззрений, с идеи поклонения и тому подобного, но завершается бурным всплеском адвайтистской мысли.

Поэтому теперь я думаю, что человеку незачем быть полем битвы дуализма и адвайтизма. Оба эти течения занимают свое — важнейшее — место в духовной жизни нашего народа. Нельзя отбрасывать *дуализм*, потому что он является так же, как адвайтизм, сущностным выражением этой жизни. Из этих течений одно не может существовать без другого, является продолжением и разрешением другого: одно — дом, другое — крыша дома; одно — корень, другое — плод. Поэтому все попытки переделать текст Упанишад представляются мне смешными и нелепыми. Я нахожу сам язык священного текста упонительным. Литература Упанишад, помимо всех ее достоинств как величайшей философии и как теологии, указывающей человечеству путь к спасению, является еще и самой впечатляющей картиной божественного величия, известной миру. Здесь в полной мере проявляется индивидуальность нашего разума — интроспективного, интуитивного разума индусов. Да, грандиозные полотна божественного вели-

⁴ «Махабхашья» — комментарий Патанджали к «Аштадхьяйи» («Восьмикнижию») Панини (V—IV вв. до н. э.), великого индийского грамматиста. Нет оснований, как считает большинство исследователей, отождествлять грамматиста Патанджали с автором Йога-сутр Патанджали. Признано доказанным, что «Махабхашья» написана примерно во II в. до н. э., тогда как Йога-сутры чаще всего датируются примерно III—IV вв. н. э.

чия есть и у всех других народов, но их идеал, почти без исключения, — в том, чтобы обхватить великое руками. Возьмите, к примеру, Мильтона, Данте⁵, Гомера или любого другого из поэтов Запада. Они создали потрясающие по духовной глубине пассажи, но никто из них не свободен от желания ухватиться за бесконечность пятью чувствами и мускульной силой, их идеал — бесконечная ширь, расширение, бесконечное пространство. Мы сталкиваемся с таким же устремлением в самхитах. Вам знакомы замечательные гимны, описывающие творение⁶, — в них с невероятной выразительностью запечатлены грандиозность размаха и пространственная бесконечность. Но очень скоро выяснилось, что бесконечность таким путем недостижима, что даже беспредельное пространство, расширение, бескрайность мира внешнего недостаточны для выражения тех помыслов, что роились в умах авторов и просились наружу — и авторы вернулись к рассуждениям иного рода.

В Упанишадах язык выражения обрел новое качество — он почти негативен, подчас хаотичен; язык как бы уводит вас за кулисы, указывая на нечто такое, чего нельзя понять, нельзя ощутить органами чувств, — но вы ни на секунду не сомневаетесь в присутствии этого нечто. Какое другое изречение может сравниться с таким: «Туда солнце не может пролить свет, ни луна, ни звезды, ни вспышка молнии не могут осветить это место — что поведать об этом смертном огне?»⁷

А вот еще одно место — можно ли с большим блеском выразить всю философию мира, главный смысл индусской мысли всех времен, всю мечту человека о спасении, можно ли передать это словами более заволаживающими, фигурой более стройной?

На дереве сидят две птицы⁸ в роскошном оперенье, ласковые друг к другу: одна клюет плоды, а другая ничего не клюет — она спокойна и молчалива; та, что на нижних ветках, питается сладкими и горькими плодами и становится попеременно то счастливой, то несчастной; та, что на верхушке, — спокойна и величественна, она не прикасается ни к сладким плодам, ни к горьким, ей, застывшей в великолепии, дела нет до счастья и беды. Таков образ человеческой души. Человек вкушает сладкие и горькие плоды этой жизни в погоне за наживой, за чувственными наслаждениями, за тщетой мира — безнадежно, безумно мечется он. В другом месте Упанишады сравнивают душу человека с возницей⁹, а пять его чувств с упряжкой бешеных коней. Такова участь мужей, гонящихся за тщетой жизни, участь детей, лелеющих розовые мечтания, что с годами пойдут прахом, участь стариков, грезящих о былых своих подвигах, но не умеющих вырваться из этого заколдованного круга. Таков мир. Но бывают в жизни каждого золотые мгновения: порой, когда мы погружены в бездну горя или охвачены величайшей радостью — как если бы вдруг туча посторонилась и за краем ее мы заметили сияние солнца, — так же, вопреки самим себе, мы ловим отблеск чего-то скрытого вдали, за пределами чувственной жизни, за гранью суеты с ее удачами и невзгодами, вне природы, вне наших представлений о счастье на сегодняшний или завтрашний день, в стороне от грез о богатстве, о славе, о потомстве. Человек замер на миг. Он видит ту вторую птицу, спокойную и царственную, что не клюет плодов сладких и горьких, источающую великолепие, исчерпавшую все страсти и обретшую в Себе, через Себя свободу от желаний. Как сказано в «Гите»: «Тот, кто являет преданность Атману, тот, кто не желает ничего, кроме Атмана, тот, кто обрел удовлетворение в Атмане, — каким трудом ему заняться?»¹⁰ Зачем тянуть ляжку?! Человек замечает этот проблеск, но тут же забывает о нем и жует себе сладкие и горькие плоды жизни. Потом, возможно, будут новые проблески — так, ветка за веткой, первая птица все выше, все ближе ко второй. Один толчок, потом другой. Сильные толчки, если повезет. Птица первая приближается к своему двойнику, другу, к истинной своей жизни — ко второй птице. Вот уже свет, излучаемый птицей наверху, искрится на перьях первой. И шаг за шагом происходит превращение — чем выше поднимается наша птица, тем меньше от нее остается, самый контур ее как бы начинает таять, пока она совсем не растворится, — ее и не было никогда, было только отражение той, другой,

⁵ Дж. Милтон (1608—1673) — английский поэт, мыслитель, политический деятель. Широко использовал библейские сюжеты. Пафос тираноборчества, приверженность теориям общественного договора, концепциям естественного права поставили его в один ряд с наиболее яркими выразителями идей английской революции XVII в. Данте (1265—1321) — итальянский поэт, провозвестник Возрождения. Отразил в своем творчестве зарождение нового типа мышления и умонастроения — стремление противостоять средневековой ортодоксии с позиций формирующегося ренессансного сознания, утвердить право на свободу самовыражения человеческой личности.

⁶ Основные версии происхождения космоса отражены в X книге РВ. Первая — организация, оформление мира, когда его демиургом выступает Вишвакарман, как бы «пересформирующий» мир (РВ, X, 81—82), словно ремесленник, изготавливающий вещь из наличного материала. Биоморфная версия соотносится с представлением о мире как «Золотом зародыше» (Хираньягарбха), плавающем в первозданной стихии вод (РВ, X, 121, 7). Еще одна модель мира увязывается с творением мира как жертвенным обрядом (РВ, X, 90): боги совершили жертвенный обряд над божественным первочеловеком, Пурушей. Наиболее утонченная версия происхождения всего сущего из космического единого дается в знаменитом космогоническом гимне «Насадия» (РВ, X, 129).

⁷ Пересказ Катха-уп., II, 2, 15; Мунд.-уп., II, 2, 6.

⁸ Этот образ встречается в Мунд.-уп., II, 1, 1—2; БрСБ Рамануджи (I, 3, 7), ВЧ, 145 и других сочинениях.

⁹ Пересказ Катха-уп., I, 3, 3—9.

¹⁰ Пересказ Бхг., III, 17.

царственно-неподвижной среди трепещущей листвы. Все оказалось лишь отблеском ее величия. Поднимаясь и растворяясь, первая птица обретает бесстрашие, полное умиротворение, спокойную просветленность. Эта взятая из Упанишад аллегория напрямую выводит нас от дуалистического видения к видению в высшей степени адвайтистскому.

Можно приводить сколько угодно примеров, но у нас нет времени раскрыть в нашей лекции всю прелесть поэзии Упанишад, их величественные образы и глубокие понятия. Но я должен отметить, что в этих текстах все — и язык, и мысль, и образы — вызывает непосредственно к вам, и воздействие равно по мощи ударам меча или молота. Читающему внятны смысл всех высказываний. Каждая нота этой музыки звучит чисто, с нужной силой и в нужном месте. Нет тут никаких обиняков, никаких шальных фраз, никакой помрачающей разум путаницы. В Упанишадах вы не найдете никаких упаднических штучек — ни избыточных аллегорий, ни нагромождения прилагательных, напрочь затемняющих смысл и вынуждающих читателя блуждать в замысловатом лабиринте текста. В те времена литература еще не дошла до этого. Если Упанишады — творение человеческое, то они родились в народе, еще не утратившем всей своей первозданной жизненной энергии.

Сила — вот чему учит каждая страница Упанишад. Вот великий принцип, который следует хранить в памяти, важнейший урок, какой был преподан мне в жизни. Человек, будь силен! Но человек возражает: «Есть ведь человеческие слабости!» — «Да, есть, — отвечают Упанишады, — но разве еще большая слабость способна исцелить от них, разве грязь смывает грязь, разве, предаваясь греху, избавишься от греха! Человек, соберись с силами, стань могуч!» Поистине это единственная литература, где постоянно употребляется слово «бесстрашный» (abhih) — ни в каком другом писании в мире оно не было применено ни к Богу, ни к человеку.

Бесстрашие! Перед моими глазами встает, почти как на живописном полотне, образ Александра Великого, знаменитого западного императора. На лесистом берегу Инда он беседует с *саньяси*¹¹. Нагой старец сидит перед ним на камне, а император, восхищенный его мудростью, зовет его в Грецию, суля ему славу и богатое вознаграждение. Мудрец лишь улыбается в ответ на посулы — и отказывается. И тогда уверенный в императорском всевластии Александр грозит: «Я убью тебя, если ты не поедешь». Со смехом отвечает ему старец: «Такой лжи ты еще не произносил в своей жизни. Кто может меня убить? Ты ли, властитель материального мира? Никогда! Ибо я Дух нерожденный и неумирающий, я — Бесконечность, я вездесущ и всезнающ. Тебе ли, мальчишка, лишить меня жизни!»

Вот истинная сила! И, читая Упанишады, я все больше скорблю о вашем положении, друзья мои и соотечественники. В писании заложен великий практический смысл — наша сила. Сила нужна нам, но где ее взять? Есть тьма вещей, подрывающих наши силы, а басен с нас довольно. Рассказов любой из пуран достало бы заполнить три четверти библиотек мира. На протяжении последней тысячи лет предостаточно было у нас всякого, что ослабляло нас как нацию, — казалось, все шло к тому, что мы превратимся в земляных червей, копошащихся под ногами. Я одной с вами крови, живу и умру с вами. Поэтому, говорю я вам, нам нужна сила, сила и еще раз сила. А Упанишады и есть гигантский кладезь этой самой силы — его хватило бы, чтобы укрепить, зарядить, воодушевить весь мир. Громоподобно прозвучит призыв нашего писания, обращенный ко всем слабым, сломленным и униженным всех народов и религий, — встаньте на ноги, будьте свободны! Свобода — физическая, умственная, духовная — таков девиз Упанишад.

Это единственное писание во всем мире, где речь идет не о спасении, а об освобождении. Вырвитесь из пут материальной природы, отряхните немощь! Писание дает вам понять, что свобода уже заложена в вас, и в этом еще одна из его ценных особенностей. Нет беды в том, чтобы быть двайтистом — достаточно признать, что Душа божественна по самой своей природе, пусть некоторые ее движения вызвали ее «сжатие». Выдвинутая Рамануджей теория «сжатия» и «расширения» очень созвучна взглядам современных эволюционистов, говорящих о развитии и атавизмах¹². Деградируя, душа как бы ужимается, ее природная сила переходит в потенциальное качество, но добрые

¹¹ В индийской традиции пока что не выявлено прямых свидетельств вторжения войска Александра Македонского в Индию (IV в. до н. э.). Сочинения же многих сподвижников Александра (Неарха, Онесикрита и др.) положили начало целой серии во многом достоверных свидетельств об Индии в западном мире. Изложенный сюжет является одним из самых популярных в античной традиции, он восходит к свидетельству Мегасфена, посла селевкидского царя при дворе Чандрагупты, зафиксированному в труде Мегасфена «Индика». Достоверность описания Мегасфена воспринимается многими исследователями по-разному, поскольку сама «Индика» не сохранилась, а грекоязычные писатели римского времени (Страбон, Диодор, Арриан и др.), включая в свои сочинения текст Мегасфена, как правило, не указывали, где именно они использовали его текст.

Беседа Александра с мудрецом (греки называли мудрецов «гимнософистами», то есть «нагими мудрецами») воспроизводится у Страбона (Страбон, XI, 1, 61—65). Существуют версии того же сюжета и на славянских языках.

¹² Имеется в виду понимание атрибутов «освобожденной души» у Рамануджи (*Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, I, 1.1, цитирующего Бхгагаватгиту X. 9—10. Рамануджа — известный ведантист, с его именем связывается разработка второго направления веданты — вишишта-адвайты. Данные о его жизни и деятельности отрывочны и порой противоречивы: считается, что он родился в 1027 г. Комментарии Рамануджи к Брахма сутре и Бхгагаватгите считаются наиболее авторитетными среди трудов, посвященных веданте.*

Обычно название учения Рамануджи переводят так: «ограниченная адвайта» или «адвайта с ограничениями». Рамануд-

поступки и помыслы «расширяют» ее, выявляют ее природное совершенство. В отличие от этого адвайтисты признают эволюцию не в душе, а в природе.

Представим себе ширму с крошечной дырочкой. Я стою за ширмой и смотрю на собравшееся здесь множество людей, но вижу всего лишь несколько лиц. Предположим, что дырочка увеличивается — по мере этого я вижу все большее количество людей. Так до тех пор, пока ширма между нами не исчезнет и я не увижу всех. Ни в зале, ни во мне ничего не изменилось — перемена происходила только с ширмой. Это иллюстрирует позицию адвайтистов по отношению к эволюции: эволюции внешней природы и раскрытию внутреннего «Я». Это «Я» нельзя заставить сжаться, оно бесконечно. Оно было скрыто покровом майи, и лишь по мере того, как этот покров становится все тоньше, все больше проявляется врожденное, природное великолепие души. Вот великая мысль, которую миру еще предстоит усвоить от индусов. Чем бы ни похвалялись другие народы, что бы ни возражали нам, день ото дня им будет становиться все яснее, что ни одно общество не выстоит без того, чтобы не признать эту мысль.

Разве вы не чувствуете, как стремительно меняется наша жизнь? Обычай почитать все новое за дурное до тех пор, пока оно не доказало свою полезность, — стар как мир. До сих пор и в образовании, и в уголовном праве, и в психиатрии, и даже в обычной медицине царил старый закон. Каков же новый закон? Он в том, что тело само по себе здорово и собственной природой исцеляется от недугов. Медицина может только способствовать накоплению организмом резервов. А в уголовном праве? Здесь новый закон исходит из непреложного факта, что, как бы низко ни пал преступник, в нем все равно заключено вечное божественное начало, а поэтому и обращаться с преступником надо соответственно. Создаются исправительные дома, колонии. Аналогичные перемены заметны повсюду. Даже другие народы начинают осознанно или неосознанно использовать индийскую мысль о божественном в человеке. И в конечном счете они должны будут принять учение наших священных книг. Тогда взаимоотношения людей в корне революционизируются, рухнет вся ветхая идеология, кричащая о слабости человека, — уже в этом столетии ей будет нанесен смертельный удар. И пусть критикуют нас сколько угодно. Меня уже заклеили по всему свету как проповедника дьявольской ереси, гласящей, что греха не существует! Очень хорошо. Зато потомки тех, кто клеймил меня, благословят меня как проповедника добродетели. Ведь на деле я учу добродетели, а не греху. Я тем и горд, что проповедую свет, а не тьму.

Другая глобальная истина, которую Упанишады должны преподать человечеству, — это принцип единства мира. Сегодня старые преграды и рубежи рушатся буквально на глазах. Энергия пара и электричество обеспечивают надежную связь между самыми отдаленными точками земного шара. Ведь и мы, индусы, уже не верим, что земли за пределами Индии населены демонами и чудовищами, а христиане больше не утверждают, что у нас в стране живут сплошь дикари и людоеды. Путешествуя, мы встречаем таких же, как мы сами, людей, наших братьев, всегда готовых протянуть нам руку помощи и от души желающих нам добра; иные из них становятся нам милее даже собственных наших соотечественников. И у нас заморские гости тоже окружены радостным братским гостеприимством и доброжелательством.

Упанишады утверждают, что источник всех бед человеческих — невежество. Это совершенно справедливо и относится ко всем формам общественной и духовной жизни. Именно невежество рождает ненависть и равнодушие людей друг к другу. Нелюбовь есть результат нежелания поближе узнать другого. Плодом близкого знакомства всегда является любовь — ибо разве мы все не едины! Так единство восстанавливается как бы вопреки всему. Даже в политике и социологии проблемы, бывшие каких-нибудь двадцать лет тому назад сугубо национальными, сегодня уже неразрешимы на узкой национальной основе и требуют интернационального подхода. Международные организации и союзы, международное законодательство стали насущной необходимостью. Тут тоже действует принцип единства. Так же и наука с каждым днем приближается к единому широкому взгляду на материю. Весь мир предстает как единая масса, океан материи, в котором вы да я суть лишь имена крошечных сгустков и завихрений, не более. Но с точки зрения сознания этот же мир — всеобъемлющий океан мысли, в котором вы и я — точно такие же маленькие

жа исходит из того, что души и материя образуют своего рода «тело» Брахмана, мыслимого как Ишвара, Личностный Бог, сотворивший из самого себя многообразный мир своим благоволением. Бог есть управитель мира; он может «уничтожить» плохую карму, как бы «простить» совершенные человеком недолжные деяния. Теистическое учение Рамануджи является теоретическим обоснованием бхакти-марги; полная зависимость человека от Бога иллюстрируется отношением кошки к котенку: в минуту опасности мать хватает своего детеныша и переносит его в безопасное место (так называемое «бхакти котенка»), или поведением маленькой обезьянки, цепляющейся за свою мать, когда ей что-нибудь угрожает (так называемое «бхакти обезьяны»). В бхакти важнее всего не само действие, а его эмоциональная окраска, глубина самозабвения, желания всецело принадлежать Богу. Именно в ответ на такое чувство всемогущественный и сострадательный Бог может даровать человеку свободу.): в учении Рамануджи не признается идеал «прижизненно освобожденного» (дживанмукты), как у Шанкары (Дживанмукта (в адвайта-веданте — «прижизненно освободившийся») — то есть познавший единство Атмана, своей истинной сущности, с Брахманом, Абсолютом.). Душа человека у Рамануджи сравнивается с сотой частью самой крохотной волосинки, разделенной на сто частей, но «освобожденная», «приблизившаяся» к Богу душа словно бы увеличивается, она растет до тех пор, пока не станет способной объять собой весь мир, она уподобляется лучам света, что озаряют самый темный уголок в комнате. Нет оснований увязывать такое понимание в индийской философии души как внеприродной, духовной субстанции с теориями ученых-естественников в Европе.

сгустки и завихрения. А дух, застывший в неподвижности, неизменен. Этот дух и есть Единый Неизменный, Неделимый и Однородный Атман.

Многие сегодня вопиют о морали. Миру нужна разумная мораль, источник всеобщей нравственности — и это он найдет у нас, в наших священных книгах.

Что же нужно Индии? Мы нуждаемся в том же, в чем и иностранцы, но в двадцать раз сильнее. Несмотря на величие Упанишад и на хваленое наследие наших мудрецов, равных которым не знали многие другие народы, мы все же очень и очень слабы. В первую очередь это слабость физическая, а от нее не меньше трети наших несчастий. Мы ленивы и не умеем работать. Мы разобщены и не любим друг друга. Мы до ужасного себялюбивы, и нигде даже трое из нас не могут собраться вместе, не избежав при этом ненависти и ревности. Таково наше положение: беспорядочные, корыстные толпы, веками грызущиеся из-за таких пустяков, как форма и цвет культовых символов, что мы чертим на лбу. Тома и тома сочинений посвящаются таким глубокомысленным вопросам, как-то: портится или нет моя пища от взглядов посторонних. Мы почти только этим и занимались на протяжении нескольких последних столетий. Ждать ли высоких прозрений от нации, чей мозг погружен в столь замечательные изыскания! Как же нам не стыдно! О да, нам стыдно порой, но хоть мы и сознаем всю ничтожность подобных занятий, отказаться от них не в наших силах. Как стая попугаев, мы твердим об обязанностях, но не выполняем их; у нас вошло в привычку говорить и не делать. В чем причина? В том, что я назвал физической слабостью. Ослабленный мозг плохо мыслит — его нужно укрепить.

Наши юноши должны прежде всего позаботиться о телесной крепости. Религия приложится. Мой вам совет, юные друзья, — наберитесь сил! Играв в футбол, вы быстрее приблизитесь к Богу, чем штудирова «Гиту». Пусть это звучит непривычно, говорю это сугубо из любви к вам. Я пожил и кое-что знаю, и в самом деле вижу, в чем загвоздка. Благодаря сильным мускулам вы сумеете лучше разобраться в «Гите», горячая кровь поможет вам постичь мощь и гений Кришны. Когда вы твердо встанете на ноги и ощутите себя мужчинами, вам легче будет понять Упанишад и прозреть Атман в его великолепии. Для крепости духа необходима крепость тела.

Многие с раздражением называют меня проповедником адвайтизма. Я не ставлю себе задачи проповедовать адвайтизм, двайтизм или какой-нибудь еще «изм». Единственная идея, которая нужна нам сегодня как воздух, — это глубинная идея души, ее вечной мощи и чистоты, ее вечного совершенства. Если бы у меня был ребенок, я бы с рождения повторял ему: «Ты — чистый». В одной из пуран можно прочесть трогательный рассказ о царице Мадаласе¹³ — она кладет своего новорожденного младенца в люльку и, качая его, припевает: «Ты — Чистый, ты — Непорочный, ты — Безгрешный, Могучий, Великий». Как много в этом смысла! Ощути себя великим — станешь великим.

Главное, что я вынес из своих путешествий по всему свету, состоит в следующем. На Западе твердят о грехе и грешниках. Но даже если все англичане вдруг согласились бы, что они безнадежные грешники, они не стали бы нравственно чище, чем негры Центральной Африки, которые, благодарение Богу, не содрогаются от собственной греховности. С другой стороны, всякий англичанин убежден, что он рожден править миром, что он несравнен и для него нет ничего невозможного — дескать, захоти он добраться до солнца или до луны, ему и это удастся. И эта убежденность действительно делает англичанина великим. А поверь он внушениям своего приходского священника, что он-де лишь ничтожный и беспомощный грешник и что черти целую вечность будут жарить из него шашлык на вертеле, англичанин не был бы таким, каким мы его знаем. И у всех народов врожденная, внутренняя божественность человека утверждает себя вопреки окрикам священников и суевериям.

Мы утратили веру. Подумать только — у нас с вами в тысячу раз меньше веры, чем у англичанина с англичанкой! Я не в силах избежать этих нелицеприятных слов. Разве не видите вы, как с ума сходят англичане, хлебнувши нашей религии, как иные из них, пренебрегая своим положением правящего класса, приезжают проповедовать среди нас нашу же собственную веру, невзирая на глумливые насмешки собственных соотечественников!

А скольким из вас удавалось это? И почему не удавалось? Затрудняетесь ответить? Вы знаете больше, чем англичане, но знание вам не впрок. Ваша кровь — вода, мозг иссушен, а плоть немощна. Причиной этому — не что иное, как физическое бессилие. Вы сотни лет уже бубните о реформах, об идеалах и всем таком прочем, но когда доходит до дела — вас днем с огнем не сыщешь. И так вы этим надоели всему свету, что само слово «реформа» набило оскомину и стало посмешищем. Вам ли неизвестна причина? Еще как известна! Все в вас одрябло — и плоть, и ум, и вера в себя. Век за веком тысячелетняя мучительная тирания местных и иноземных правителей да иго кастовой системы вытянули из вас все жилы, сломили вас, братья мои! Вам перешибли хребет, вас втоптали в землю. Кто даст вам главное — силу? Первый шаг к тому, чтобы воспрянуть, — проникнуться учением Упанишад и уверовать: «Я есмь Дух», «Меч меня не рассечет, копьё не пронзит, огонь не спалит, сушь не иссушит, всемогущ я и всеведущ»¹⁴. Повторяйте же эти благословенные, спасительные слова. Не говорите: мы слабы. Нам доступно и

¹³ Царица Мадаласа — персонаж различных пуранических сюжетов. Какую именно из пуран имел в виду Вивекананда установить не удалось.

¹⁴ Соотносится с великим речением Упанишад «ахам брахма'сми» («Я есть Брахман») (Брих.-уп., I, IV, 10) и Бхг., II, 23.

подвластно все! Разве, нет? Мы способны всего достичь. Во всех нас единый сияющий Дух — да уверуем в него. Уверуем, как уверовал Начикетас, когда его отец принес жертву. Я мечтаю, чтобы к каждому из вас пришла такая же вера, чтобы каждый восстал гигантом, способным своротить горы мощью своего интеллекта, чтобы он стал бесконечным Богом. Вот чего я вам желаю. И эту мощь и веру следует почерпнуть из Упанишад.

Позвольте, но ведь знание — привилегия саньяси! Оно ведь «эзотерическое»! Упанишады всегда оставались в руках лесных отшельников. Шанкара, правда, был не столь суров и сказал, что изучение Упанишад не повредит и мирянину, а только принесет пользу — пусть себе набирается ума. Но все же бытует мнение, что Упанишады — это про отшельников, про их лесную жизнь. Я говорил вам на днях, что единственный авторитетный комментарий к Ведам был создан на все времена тем же, кто был и вдохновителем самих Вед, — Кришной. Этот комментарий дан им в «Бхагавадгите» и предназначен для всех представителей всех сословий. Основной смысл ведаты должен быть ясным всем, незачем гнать его в леса и в пещеры, — пусть он поднимется в полный рост в судебном присутствии, за кафедрой проповедника, в студенческой аудитории, на палубе рыбацкой лодки, в хижине бедняка. Учение обращено ко всем — мужчинам, женщинам и детям, — где бы они ни находились и чем бы ни занимались. Чего же тут опасаться!

Однако как рыбаку или крестьянину достигнуть идеала? Путь был указан всем, и путь этот всеобъемлющ. Религия бесконечна, невозможно выйти за ее пределы. Все, что делается с душой, — во благо делающего. Даже пустячок, выполненный на совесть, приносит роскошные плоды. Пусть же каждый честно делает то небольшое, что в его силах. Если человек помнит: «Я есмь Дух», — то рыбак становится лучшим рыбаком, студент усерднее постигает премудрость учения, адвокат успешнее справляется со своими обязанностями и так далее.

Таким образом, касты сохраняются всегда, ибо свойство разбиваться на группы заложено в самой природе общества. Исчезнут только привилегии. Касты суть естественная упорядоченность: в обществе у каждого свои функции. Ты умеешь править страной, а я — чинить ботинки, но ты не выше меня — ведь ты не можешь отремонтировать мою обувь. И если ты силен в философии, это совсем не повод, чтобы тебе взирать на меня, сапожника, свысока. Почему иной раз совершившего убийство превозносят, а укравшего яблоко посылают на виселицу? С этим нужно покончить. Само же по себе кастовое устройство общества — единственно возможное; в нем нет ничего плохого. Люди должны объединяться в группы, от этого не уйти. Касты существуют повсюду, но привилегий быть не должно — их надлежит снести на свалку. Рыбак, приобщившийся к веданте, скажет: «Я не хуже тебя, хоть ты и философ». Это как раз то, что нам нужно: никаких особых прав, равные возможности для всех. Объясните каждому, что божественное заключено в нем самом, — и каждый обретет спасение.

Свобода — первое условие роста. Кто говорит: «Я заслужу спасение этой женщины, этого ребенка», — глубоко заблуждается. Меня постоянно спрашивают, как я отношусь к проблеме вдов и что я думаю о женском вопросе. Отвечу — раз и навсегда — так: да что я вам — вдова, что ли, что вы докучаете мне этим вздором! Или, может быть, я женщина? А кто такие вы, что собираетесь за женщин решать их проблемы? Уж не Господь ли Бог, что властвует над всеми женами и вдовами? Руки прочь! Они сами во всем разберутся. Прочь, о тираны, мнящие, что в ваших силах устроить все для всех! Бог обо всем позаботится. Или взбрело в ваши головы, что вам ведомо все на свете, что у вас, богохульников, есть и над Богом права? Или вы забыли, что каждая душа — Божья Душа? У вас своей кармы предостаточно — пекитесь же только о ней. Даже если нация возведет вас на пьедестал, а дураки восславят вас до небес. Бог не дремлет, и вам не миновать возмездия, не сегодня, так завтра.

Научитесь видеть Бога в любом человеке, будь это мужчина или женщина. Помочь кому-либо не в ваших силах, вам доступно только служение: служите детям Его или, если вы удостоились, служите Ему самому. Блаженны вы, если Он позволит вам помочь какому-нибудь из Его детей, но не мните о себе слишком высоко. Радуйтесь, что вам даровано это право, когда другие его не имеют, и пользуйтесь им не иначе как в форме поклонения: в нищих я должен зреть Бога, и лишь для собственного спасения я иду и поклоняюсь им. Нищие и несчастные существуют во спасение наше, дабы мы могли служить Богу, являющемуся к нам в лице хворого или помешанного, прокаженного или грешника! Отваги полны мои слова. Снова и снова повторяю вам: наша высочайшая привилегия в том, чтобы служить Богу во всех этих лицах. Расстаньтесь с мыслью, что, властвуя над другими, вы несете им добро. Вы можете услужить человеку не больше, чем растению, дав проросшему семени почву, воду и воздух — но расти оно будет уже без вашей помощи.

Несите миру свет — пусть его будет в достатке для каждого! Дело не будет завершено, пока каждый человек постигнет Бога. Несите свет бедным, но больше света — богатым, ибо их нужда сильнее. Несите свет темным, но более — просвещенным, ибо тщета просвещения непомерна в наши дни. Несите свет всем, а в остальном уповайте на Бога, ибо Он говорит: «Вам принадлежит труд, но не плоды его», «Да не пожнете вы урожай дел ваших, но да не останетесь ни на миг без дела»¹⁵.

Да способствует нам Тот, кто в незапамятный век преподал нашим предкам столь высокий урок, претворить на деле все Его заповеди.

¹⁵ Пересказ Бхг., II, 47.